ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.53658/RW2021-1-2-62-77

УДК 930

Белые и красные силы Гражданской войны: проблемы современной общественной интерпретации исторической памяти в Финляндии

Кузьменко Е.А.

Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ (Москва, Россия)

Аннотация: В статье через интерпретацию исторических источников дается характеристика современному общественному дискурсу Финляндии по вопросу вклада красных и белых сил в развитие событий Гражданской войны, а также делается вывод о трансформациях, которые претерпела историческая память в Финляндии за последние десятилетия. Исследование строится на основе методологии исторической травмы (trauma studies) и механизмов ее преодоления, истории повседневности, социологических методов. В статье рассматривается понимание спорных исторических событий в сравнении их интерпретаций в научном дискурсе и в массовом общественном сознании. Обретение независимости Финляндией в 1918 году, как и сохранение независимости на протяжении последующих десятилетий, актуализировалось в общественном нарративе в 2018 году. В связи с повышенным интересом к Гражданской войне по причине юбилейной даты в исследовательском обороте появилось сравнительно большое количество источников по исторической памяти современной Финляндии, на основе которых допустимо проанализировать оценку белых и красных сил в современном финском социуме. В Финляндии в межвоенный период создавался культ Гражданской («Освободительной») войны, в котором красные силы были представлены противниками независимости государства, а белые, напротив, героями, способствовавшими обретению суверенитета. Однако приведенные в статье статистические данные, коммеморативные мероприятия и продукция, культурные явления показывают, что общественный дискурс о Гражданской войне имеет тенденцию к сглаживанию в категоричности оценок, несмотря на тот факт, что дискурс о дальнейшей Зимней войне (и тем более Второй мировой войне) имеет скорее тенденцию к обострению. Финское общество осознает необходимость расследования преступлений против красных, сохранения памяти о военных преступлениях с обеих

сторон, одинакового отношения к военным захоронениям как красных, так и белых. Потребность в переосмыслении наследия гражданского противостояния – потенциал для гуманитарного диалога между Россией и Финляндией.

Ключевые слова: Гражданская война, историческая память, красные, белые, Финляндия, террор, коммеморативные практики

Об авторе: КУЗЬМЕНКО Елена Алексеевна. Кандидат исторических наук. Доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Член Российского общества интеллектуальной истории. ORCID: 0000-0003-4144-2414. Адрес: 119571. Российская Федерация. г. Москва. проспект Вернадского, 82, стр. 1, ea.kuzmenko@igsu.ru.

Введение

Двухлетие 1917–1918 годов стало рубежным для многих территориальных составляющих Российской империи. Масштабные изменения внутри Российского государства спровоцировали волнения, в особенности в тех регионах, где русскоговорящее население было в меньшинстве. Упразднение императорской власти автоматически ликвидировало и обязательства разных частей государства по отношению к центральной власти, закрепленные личной унией с самим императором. Великое княжество Финляндское с его широкой автономией не явилось исключением, и революционные трансформации в России стали для него плацдармом к обретению независимости. Особенность Финляндии состоит также в том, что на протяжении всего XX века ей удалось сохранить официально независимый статус, что отличает Финляндию и от стран Балтии, и от Польши. Тем не менее цена этой независимости была высока: Гражданская война в Финляндии унесла более 36 тыс. жизней за шесть месяцев, всего погибло более 1% населения страны. Особенно обращают на себя внимание два аспекта. Во-первых, треть жертв Гражданской войны – это погибшие не в боях, а в ходе так называемого красного и белого террора. Во-вторых, до Гражданской войны Финляндия исключительно долго жила в условиях мира – с 1809 года, из-за чего не имела ни армии, ни сколько-нибудь подготовленных к современной войне частей¹ (Хаапала, Тикка 2014, с. 110).

Каждый юбилейный год происходит актуализация данных событий, функция которой состоит в поддержании определенного (допустимо сказать – конформного) нарратива о периоде

¹ Исключение составляют представители финской знати, в среде которой существовала давняя традиция отдавать своих сыновей на службу в русскую армию.

Гражданской войны, формирующего культурно-историческую память и общественное мнение финляндского общества. Особенно насыщенным предсказуемо стал 2018 год: 100-летие независимости многих государств, входивших в Российскую империю, отмечено не только на уровне официальных властей, но и в различных сферах общественной жизни. В Финляндии в 2018 году вышли новые научные исследования Гражданской войны, также данная тема нашла отражение в настольных играх, художественных и документальных фильмах, публикации ранее не изданных документов и дневников очевидцев событий, даже в комиксах, не говоря уже о многочисленных статьях в СМИ, редакторских и экспертных колонках. Тем важнее понять, какие интерпретации, ценности, мнения формируют общественный дискурс Гражданской войне век спустя. Изучение этого материала представляет исследовательский интерес с точки зрения формирования больших национальных нарративов, а также функционирования и трансформаций социальной памяти в демократическом обществе.

Необходимо отметить, что официальный нарратив Гражданской войны и научные исторические труды о Гражданской войне – категории, далеко не всегда совпадающие между собой из-за различий в своих функциях. Задача официального нарратива – сформировать консолидирующую социальную память, определяющую как рамки «объективного» знания, так и коллективные действия социума по его сохранению. Главным субъектом формирования и поддержания социальной памяти служит государство, в руках которого находятся и интересам которого служат рычаги как конструирования памяти, так и контроля за ней. Это – общеобразовательная школа, государственные музеи, исторические архивы и библиотеки, государственная символика, спонсированные государством каналы пропаганды (телевидение, кинопродукция, интернет-порталы и пр.) и, наконец, государственные праздники (Мазур 2013). Официальная позиция по принципиальным историческим вопросам оказывает существенное влияние как на коммуникации центра и общества, так и на систему внешних государственных связей, предопределяя тенденции международных отношений (Гасумянов, Комлева 2020). Задача же научного дискурса скорее в поиске источников, выявлении новых аспектов, проблематики исторического события и встраивания ее в существующую научную картину. Содержание официальных конструктов опирается, но не дублирует достижения научных трудов и потому дает более общую и упрощенную картину событий. Так, апогей культивирования социальной памяти в

Финляндии приходится на постимперскую эпоху формирования суверенного государства Финляндская Республика, когда для своей легитимации вновь образованной нации потребовался образ единой, длительной национальной (то есть обособленной от Швеции и России) истории.

Целью данной статьи является выявление проблем современной общественной интерпретации исторической памяти Финляндии по вопросу участия красных и белых сил в Гражданской войне. Достижение цели предполагает решение ряда исследовательских задач: 1) какую функцию – консолидирующую или дезинтегрирующую – играет нарратив Гражданской войны в современной культурной памяти Финляндии; 2) какие ценности формируются посредством официальной трактовки событий Гражданской войны; 3) каким образом учитывается германо-шведско-российский аспект событий; 4) как используется в широком дискурсе практика умалчивания характеристик события в условиях современных информационных войн.

Материалы и методы

В качестве материалов в тексте использованы исторические источники (воспоминания и нормативно-правовые документы), коммеморативная продукция (фильмы, настольные игры, комиксы), статьи СМИ, современные социологические данные. Иными словами, такие материалы представляют собой многостороннюю ретрансляцию общественного отношения к Гражданской войне (Беззубова 2016). Решить исследовательские задачи при работе с указанными материалами хотелось бы с применением методологии исторической травмы и ее преодоления (LaCapra 2001; Штомпка 2001, с. 3-12), а также методологии фиксации исторической памяти социума (Ассман А. 2016; Ассман Я. 2004; Айерман 2013; Мазур 2013; Хальбвакс 2005).

Результаты исследования

В ходе исследования были рассмотрены характерные черты метанарратива о Гражданской войне и исторический базис их возникновения. Одной из черт официального, в том числе и научного, финляндского нарратива XX века о Гражданской войне является деление противоборствующих сторон на два лагеря не

столько по принципу поддержки советских либо антисоветских сил, сколько по принципу соответствия идее независимой Финляндии. На таких позициях стояли консервативные историки, государственные деятели и церковь. На первый взгляд, такое деление не кажется кардинально отличным, однако при ближайшем рассмотрении проблема оказывается сложнее. Так, известный финский красногвардеец Аарне Арвонен впоследствии писал, что он, как и многие его сторонники, не был противником независимости Финляндии, но, оказавшись в стане проигравших в войне за независимость (как иногда и сейчас называется данный конфликт в Финляндии), они автоматически превратились в предателей и борцов против независимости родины (Рупасов 2018). Даже само использование термина «Война за независимость» уже определяло вектор восприятия своим идейным содержанием. Ценность истинного патриотизма, стремление обеспечить Финляндии независимость узурпировалось лишь одной стороной, благодаря чему официальный нарратив о войне формировался не через исследование борьбы разных политических сил за власть, а через их поляризацию на справедливую и несправедливую силы.

Упрощение политических механизмов Гражданской войны до блок-схемы «белые – сторонники независимости» и «красные – противники независимости» обуславливалось потребностью нового государства в обеспечении стабильности, которую могла дать лишь непротиворечивая консенсусная модель общественной консолидации. Лучшим источником подобной консолидации является общий враг (внешний или внутренний, реальный или воображаемый). В данном случае враг был и внешний – Россия, и внутренний – финские коммунисты и социалисты, которых обвиняли в предательстве своей страны, организации большевистского заговора и противодействии независимости Финляндии. При этом непосредственное участие русских добровольцев в финской гражданской войне нельзя назвать иначе как маргинальным – оно составляло от 5 до 10 процентов (Хаапала, Тикка 2014, с. 120). Упрощенная трактовка политических событий во имя достижения обществом консенсуса неизбежно привела к практике умалчивания некоторых характеристик Гражданской войны в рамках официального нарратива.

Во-первых, замалчиванию подвержен старт процесса суверенизации, ведь запуск самого механизма обретения независимости не связан ни с белыми, ни с красными силами. Первыми по пути «разбрасывания камней» пошло Временное правительство, провозгласившее постепенный переход к

федеративному государственному устройству (Смолин 2002, с. 153). После октябрьского этапа революции в России большевики не только не противодействовали данной тенденции, но и способствовали ее углублению. Так, 18 декабря 1917 года было принято Постановление Совета народных комиссаров о признании независимости Финляндской Республики, в котором говорилось следующее:

«В ответ на обращение финляндского правительства о признании независимости Финляндской республики Совет Народных Комиссаров, в полном согласии с принципами права наций на самоопределение, постановляет: а) признать государственную независимость Финляндской республики; б) организовать, по соглашению с финляндским правительством, особую комиссию из представителей обеих сторон для разработки тех практических мероприятий, которые вытекают из отделения Финляндии от России»².

Вторым нюансом является тот факт, что идея внешнего вмешательства в процесс обретения независимости Финляндией не была оригинальной и вытекает из самой Декларации независимости от 4 декабря 1917 года. Цитируем фрагмент из нее:

«Все трудности, голод и безработица, проистекающие из имеющейся внешней изоляции, заставляют Правительство незамедлительно установить прямые контакты с властями иностранных государств»³.

По сути, необходимость и неизбежность иностранного влияния очевидна даже в таком основополагающем документе. Вопрос лишь в том, кто из триады (Россия – Германия – Швеция) станет «гарантом» независимости Финляндии.

31 декабря 1917 года официальные представители Финляндии во главе с Пер Эвинд Свинхувудом получили документ Совнаркома о признании суверенитета Финляндии. Однако к этому времени в Финляндии уже образовались два противоборствующих блока: шюцкор (отряды самообороны), ставший основой белой гвардии, и рабочие отряды, спешно обучаемые большевиками и понимающие войну с классовой точки зрения. При этом историк Э. Кетола отмечает, что для красных финнов Гражданская война в Финляндии всегда была их собственной борьбой (Булдаков 2018, с. 426), а не банальным отзвуком революции в России. Справедливости ради надо отметить, что внешнеполитическая позиция красных

2 Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 71.

3 Declaration of Independence of Finland. 1917. Electronic resource. Access mode: URL: <https://histdoc.net/history/ru/itsjul.htm>.

претерпела изменения. После периода ослабления России в результате подписания Брестского мира 1918 года и нежелания вступать в конфликт с Германией, 1930-е снова отмечены интересом к финским территориям, однако это иной исторический период с другой спецификой внутреннего развития как Финляндии, так и СССР.

Поддержка белых, в свою очередь, прямо или косвенно отсылала не просто к независимости, но к независимости при поддержке Германской империи и Швеции, что, по сути, сближало «красную модель» новой Финляндии с «белой моделью». Отличаясь в административно-идеологических компонентах, они обе предполагали опору на внешнюю силу как гарант стабильности существования нового государства (примечательно, что аналогичного пути придерживалась и Польша, правда, с иным исходом). Перед Белым движением, сплотившим вокруг себя разносторонние консервативные силы, стояло две основные задачи: во-первых, возрождение единой и неделимой России (что сближало белых с политикой царской администрации и, соответственно, отдаляло от предоставления независимости странам Балтии и Финляндии); во-вторых, разгром большевизма. Вторая цель диктовала необходимость поддерживать Белое движение на всей территории Финляндии, а также использовать любые иные иностранные силы, борющиеся с большевиками. Выбор белых логично пал на Германию. Уже 21 августа 1917 года Эрих Людендорф, первый генерал-квартирмейстер (что в случае отсутствия кайзера ставило последнего в ранг верховного главнокомандующего), распорядился о как можно более скорой поставке оружия в Финляндию для поддержки Белого движения, что и было исполнено. Неслучайно, что после 1918 года, спасаясь от революции в Германии, Людендорф бежал в Швецию, откуда затем в 1922 году вновь вернулся в Германию.

Симптоматична и позиция К.Г. Маннергейма по отношению к внешнему вмешательству. Карл Густав Маннергейм, ставший в народной памяти символом борьбы с советской агрессией во время Советско-финляндской войны (ноябрь 1939 – март 1940), и, как любая символическая фигура, утеревший некоторые исторические качества, поддерживал германскую интервенцию: высадившиеся на Аландских островах немецкие военные части он называет «друзьями и союзниками финнов» (естественно, не красных) и организывает военные операции в полном контакте с немецким командованием. Это сближение дает основание историкам говорить о процессе «вассализации Финляндии Германией» (Свечников 1923).

Что касается Швеции, то в начале Гражданской войны она была вынуждена отказать в официальной помощи Финляндии из-за угрозы распространения революционных настроений в самой Швеции при поддержке шведской социал-демократической партии. Однако участие шведских добровольцев документально подтверждено, в том числе в воспоминаниях Михаила Степановича Свечникова. Формальным поводом для вмешательства стало притеснение шведскоязычного населения на территории Финляндии, но к концу мая 1918 года шведские военные отряды покинули страну.

Болезненным вопросом, нуждающимся в освещении и вызывающим отклик у современных финнов, является масштаб и характер террора в Гражданской войне. Как указывалось в начале, треть жертв – именно террора, а не военных столкновений, что стало причиной формирования коллективной травмы в финском социуме. Революционеры-большевики традиционно считали террор приемлемым методом, и казни невинных широко использовались в целях устрашения. Ленин неоднократно призывал использовать террор для поддержания контроля. Корни новой политической культуры, беспощадности большевиков при осуществлении власти обычно ищут в опыте Гражданской войны. В годы так называемого Большого террора 1937–1938 годов старая традиция была еще сильна, и многие деятели времен Гражданской войны по-прежнему занимали важные посты.

Красный террор осуществлялся двумя способами. Вблизи от линии фронта действовали военно-полевые суды. В тылу проводниками террора являлись следственные органы красных. Наиболее частая форма приговора – расстрел на месте. Когда же красные удерживали власть в том или ином районе долгое время, местный штаб передавал полномочия на расследование контрреволюционных действий следственным органам, носившим название «летучих патрулей». У красных террор осуществлялся также группами людей, не имевшими никаких формальных полномочий. Отдельные лица также использовали террор по личным мотивам – от мести до грабежа. В финской историографии этот аспект Гражданской войны активно подчеркивался, поскольку представлял собой удобное объяснение, не требовавшее анализа скрытой динамики насилия (Хаапала, Тикка 2014, с. 125).

Белая сторона прибегала к тем же методам и, как свидетельствуют некоторые воспоминания, открыто гордилась этим. В Финляндии террор, осуществлявшийся белыми, имел намного более широкий размах, чем красный террор. Отличие

также состояло в том, что белый террор обычно, хотя и не всегда, облакался в некую официальную форму: пленных казнили на основании приговоров «полевых судов». Классическим примером ожесточенного белого террора стала ликвидация «красного Тампере», крупного промышленного центра, где после падения красной власти были проведены массовые чистки – из более чем 11 тыс. пленных было казнено 1500 человек. Оправдывая жестокие репрессии против красных, Белая армия ссылалась на суровое законодательство царского режима. В 1909 году Николай II издал ряд специальных указов, позволявших государству объявлять местное или региональное военное положение в целях борьбы с политическими забастовками и агитациями (Хаапала, Тикка 2014, с. 121).

Важным фактором укрепления суверенитета Финляндии стало окончание Первой мировой войны. Поражение Центральных держав еще более укрепило позиции государств, обретших независимость при поддержке Германии. Образование новых национальных государств в Восточной Европе приняло необратимый характер. Парижская мирная конференция (январь 1919 – январь 1920) подтвердила принцип самоопределения наций на осколках Германской, Австро-Венгерской, Российской и Османской империй⁴.

В Финляндии в межвоенный период создавался культ Гражданской («Освободительной») войны, что связано с попытками отделить государство от России, Германии и Швеции. Наиболее активно в этом участвовали представители праворадикальных сил. В длительной перспективе, однако, этому культу не удалось доминировать в национальном дискурсе, хотя в межвоенное время и даже позже он преобладал, например, в преподавании истории и в художественной литературе. В рамках этого дискурса белый террор не превозносился – напротив, его хотели полностью отрицать и забыть, а вместо него акцентировался красный террор. Однако все-таки на сегодняшний день происходит последовательное переосмысление вклада разных сил (Вихавайнен 2018).

Современный общественный нарратив в СМИ (в особенности 2018 года) сосредотачивается на следующих аспектах, частично отраженных в исторической части доклада: диффамация каких бы то ни было сторон, красный и белый террор, идея свободы, военная повседневность, гендерный и этнический факторы конфликта, современные правовые основы сохранения наследия Гражданской

4 Вторая мировая война не принесла потерю независимости для Финляндии, в связи с чем и не пересекается с нарративом борьбы за независимость периода Гражданской войны (ср. Польшу). Об этом есть отдельный блок научных работ.

Рисунок 1. Какая сторона была более права в войне 1918 года? (Vuoden 1918 sota jakaa yhä kansaa, vaikka enemmistö seisoo juoksuhautojen välissä 2018)⁵

войны. Для анализа и дальнейшей интерпретации были избраны следующие информационные порталы: «Хельсингин саномат» («Хельсинкские новости»)⁶, Yle⁷, «Турун саномат» («Новости Турку»⁸). Жанровое разнообразие материалов данных порталов – безусловное исследовательское преимущество.

Для начала обратимся к статистическому исследованию. В декабре 2017 года в рамках экономических исследований Yle был проведен целевой онлайн-опрос: «Какая сторона была более правой / справедливой в войне 1918 года?» (Vuoden 1918 sota jakaa yhä kansaa, vaikka enemmistö seisoo juoksuhautojen välissä 2018). Были получены следующие результаты: почти треть (31%) респондентов считает, что обе стороны были одинаково правы в Гражданской войне. Пятая часть (20%) респондентов не смогла занять никакой позиции по этому поводу. Однако белая сторона явно получила больше понимания, чем красная. Треть респондентов (33%) сказали, что белые были на более правильном пути в войне, 16% опрошенных заявили, что красные были правы. Молодые люди (18–24 лет) более склонны поддерживать белую сторону. Пожилые же (65–79 лет), в свою очередь, считают стороны войны более похожими друг на друга. Зеленая часть графика кажется особенно любопытной, так как в суммарной статистике эта цифра почти равняется «синей» поддержке белых (см. Рисунок 1).

При этом в вопросе более пострадавшей стороны мы видим больший консенсус: на вопрос, какая партия больше всего пострадала от несправедливости в войне, 55% ответили – «красные», 27% – «одинаково» и 5% – «белые». Это означает, что белый террор современным финским обществом признается. Воспоминания о

⁵ Vuoden 1918 sota jakaa yhä kansaa, vaikka enemmistö seisoo juoksuhautojen välissä 2018 URL: <https://yle.fi/uutiset/3-10014896>.

⁶ Helsingin Sanomat – крупнейшая газета, сайт – важный информационный портал финноязычного Интернета с широкой рубрикой.

⁷ Yle – государственная телерадиокомпания Финляндии.

⁸ Turun sanomat – важный новостной портал региона Турку.

случившемся отражены в ответах граждан. Согласно опросу, 63% граждан считают, что белые несут ответственность за значительное количество смертей в результате казней и голода.

Также опрос показал репрезентативную выборку ответов на вопрос «Какое название наилучшим образом подходит войне в Финляндии 1918 года?», в которой ответ «Гражданская война» убедительно лидирует (47%). Политически более ангажированные названия получили меньший объем поддержки: так, вариант «Освободительная война», об идее которой сказано выше, – только 10%, «красное восстание» – вовсе 4%.

Вопрос «Что из нижеследующего является наиболее наглядным примером причины войны?» имеет следующие ответы: 23% поставили на первое место в серии причин войны тяжелое положение бедных и невозможные условия жизни, столько же процентов – на второе место, только 7% респондентов обозначили эту причину в качестве совершенно неважной. Основной альтернативой такой точки зрения является ответ «Война была вызвана стремлением красных захватить власть и социализировать Финляндию» (27% опрошенных), однако уже 17% заявляют, что данная причина стоит на последнем месте. За счет этого среднее значение оказывается сглаженным. Но очевидно, что порядок расхождения не может быть проигнорирован при исследовании. Ответы более классового или общеисторического характера («Война была вызвана нежеланием имущего класса идти на уступки требованиям бедноты»; «Война была вызвана распадом России и тем, что Финляндия не имела собственной армии и полиции») приблизительно равномерно распределились в рейтинге важных причин. При этом опрошенные полагают, что общественное мнение Финляндии нельзя считать полярным, расколотым по вопросам Гражданской войны (14% считают, что в обществе достигнут консенсус, 68% – лишь часть общества оказывается разделенной, только 7% – что имеет место сильная разобщенность мнений), гендерные и возрастные группы показывают схожие результаты.

Приведенные статистические данные демонстрируют, что общественный дискурс о Гражданской войне имеет тенденцию к выравниванию, несмотря на тот очевидный факт, что дискурс о дальнейшей Зимней войне (и тем более Второй мировой войне) имеет скорее тенденцию к обострению. Сфера причинности войны оказывается менее гибкой, красные выглядят в ней более агрессивной, враждебной стороной. Однако в вопросе террора и повинности в масштабе жертв негативную оценку получают преимущественно белые силы.

Отметим общие особенности культурной памяти о событиях Гражданской войны в современной Финляндии. Озвученная тенденция к выравниванию оценочных суждений прослеживается в коммеморативной интеллектуальной продукции 2018 года. В научно-популярных изданиях порицается тот предвзятый подход к любой общественной деятельности, которая могла бы прямо или косвенно апеллировать к коммунистическим идеалам, свойственный 1920-м годам. Например, книга Микко-Олави Сеппяля об истории рабочего театра (Seppälä 2010) в поствоенной Финляндии повествует о попытках притеснения свободы искусства, арестах создателей и активистов рабочего театра (Kielletty 2020). В то же время знаковым событием стало переиздание и, соответственно, актуализация в 2020 году большого иллюстрированного издания «Русская революция и Финляндия 1917–1920 гг.» Туомо Полвинена, историка 1960–1970-х годов, где красные силы и большевики традиционно подвергаются радикализации. Явная полемичность темы приводит к активному обсуждению. Есть и работы, посвященные переосмыслению и десакрализации личности Маннергейма, показывающие, что его вклад в развитие событий минимален в сравнении с немецким вмешательством. Многочисленные авторские колонки поднимают проблемы необходимости расследования преступлений против красных, сохранения памяти о военных преступлениях обеих сторон, одинакового отношения к военным захоронениям как красных, так и белых.

Интересные нюансы освещаются в кинематографических работах. В 2018 году вышел короткометражный фильм Сеппо Рустаниуса «Глаза войны 1918»⁹, который поднимает проблемы участия детей в Гражданской войне как со стороны белых, так и со стороны красных. Для режиссера важно продемонстрировать, что политическая окраска не имеет значения, ущерб, нанесенный детству в целом, нельзя окрасить в красный или белый цвет, этот ущерб – всеобщего масштаба. Только официально более 70 детей были казнены, более 2000 погибли, более 100 детей числились солдатами с обеих сторон. Подобная тема защиты детства от насилия войны становится важнее для финского общества, нежели попытки найти степень виновности красных и белых сторон в разжигании конфликта.

9 Новый короткометражный документальный фильм смотрит на Гражданскую войну в Финляндии глазами детей: «Я надеюсь, что наш фильм будет сравниваться с Сирией и другими современными войнами», – говорит режиссер Сеппо Рустаниус ((Uusi lyhytdokumentti katsoo Suomen sisällissotaa lasten silmin – ”Toivon, että elokuvamme vertautuu Syyriaan ja muihin nykyajan sotiin”, sanoo ohjaaja Seppo Rustanius). URL: <https://www.hs.fi/kulttuuri/art-2000005679836.html>).

Аргументом к наличию широкого гражданского интереса к теме Гражданской войны является выход в 2018 году комикса «Сестры 1918 года» (Sisaret 1918)¹⁰, отмеченного премией Comic Book Finland (10 авторов-карикатуристок). Это десять историй женщин в контексте Гражданской войны, основанных на архивных документах. Главный редактор комикса Реета Лайтинен в лаконичной графической форме сделала ставку на освещение участия женщин и на белой, и на красной стороне, кроме того, две истории относятся к юным девочкам. Гендерная акцентуация этого произведения не умаляет его антропологической и общественной значимости. Спрос на данный комикс отражен также и в том, что иллюстрации выставлялись отдельно в Галерее Комикс-центра Хельсинки в апреле 2018 года.

Выводы

Таким образом, ценности, формируемые современным общественным нарративом, оказываются следующими: во-первых, это призыв уйти от замалчивания фактов и их поверхностной – полярной – интерпретации, свойственной XX веку. Вторая важная ценность – свободная Финляндия и, следовательно, пересмотр консервативного подхода к иностранному вмешательству. Германия и Россия в современном дискурсе оказываются не по разные стороны баррикад независимости, но по одну и ту же – сторону сил, заинтересованных в контроле над финской территорией. Третья ценность – трагичность тех масштабов гибели и страданий населения Финляндии, в том числе женщины и детей, вне зависимости от деления на красных и белых. Вероятно, тот факт, что Финляндия не лишилась независимости в 1940-е годы, в отличие от стран Балтии, отчасти обусловил потребность в более гибком подходе. В отличие от политической сферы, где самоидентификация партий часто опирается на историческое прошлое, общественный дискурс склоняется к уменьшению нарочито политизированной трактовки вокруг Гражданской войны, делая ставку на нейтральность.

Потребность в переосмыслении наследия гражданского противостояния – потенциал для гуманитарного диалога между Россией и Финляндией, удачный момент для налаживания добрососедских отношений. Наблюдается широкое поле тем, актуальных и для российского, и для финляндского общественного

10 «Сестры 1918» Sisaret 1918 / Ed. R. Laitinen.

дискурса: скудость школьного освещения материала на данную тему; острота и противоречивость в оценке преступлений времен войны; интерес к истории повседневности; необходимость вывода дискурса о войне за рамки лишь политических или исторических дискуссий. Совместные проекты изучения исторической памяти о войне в рамках взвешенного подхода, открытая диалогичность, опора на источники, привлечение культурных компонентов могут стать эффективным инструментом налаживания общественных отношений в целом и восприятия России – в частности, в современной Финляндии.

Источники

- Айерман, Р. (2013), “Социальная теория и травма” [Social theory and trauma]. *Социологическое обозрение*, Т. 12, № 1, с. 121-138.
- Ассман, А. (2016), Новое недовольство мемориальной культурой [New dissatisfaction with memorial culture] / Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение.
- Ассман, Я. (2004), Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности [Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. М.: Языки славянской культуры.
- Беззубова, О.В. (2016), “Музей и политика памяти” [Museum and the Memory Policy] // *Международный журнал исследований культуры*, № 3 (24), с. 76-84.
- Булдаков, В.П. (2018), “Восприятие Гражданской войны в Финляндии российским обществом в 1918 году” [Perception of the Civil War in Finland by Russian society in 1918] // *Альманах североευропейских и балтийских исследований*, с. 421-436.
- Вихавайнен, Т. (2018), “Гражданские войны в Финляндии и России: что было общим, что особенным и каково наследие гражданской войны в Финляндии и России” [Civil wars in Finland and Russia: what was common, what was special and what is the legacy of the civil war in Finland and Russia] // *Альманах североευропейских и балтийских исследований*, № 3, с. 400-409.
- Гасумянов, В.И., Комлева, В.В. (2020), “Коммуникационные режимы как фактор межстрановых взаимодействий: постановка проблемы” [Communication modes as a factor of intercountry interactions: problem statement]. *Международная жизнь*, № 10.
- Мазур, Л.Н. (2013), “Образ прошлого: формирование исторической памяти” [The image of the past: the formation of historical memory] // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки*, № 3, с. 243-256.
- Рупасов, А.И. (2018), “Гражданская война в Финляндии” [Civil War in Finland] // *Петербургский исторический журнал*, № 3, с. 171-186.
- Свечников, М.С. (1923), Революция и гражданская война в Финляндии. 1917–1918: (воспоминания и материалы) [Revolution and Civil War in Finland. 1917–1918: (memories and materials)]. Москва, Петроград.
- Смолин, А.В. (2002), “Страны Балтии (Эстония, Латвия) и Финляндия в политике российских консерваторов в годы гражданской войны” [The Baltic States (Estonia, Latvia) and Finland in the policy of Russian conservatives during the Civil War]. Консерватизм и либерализм: история и современные концепции. Материалы международной научной конференции, 15 февраля 2002 г. / Под ред. А.С. Карцова. СПб., с. 153-160.
- Хаапала, П., Тикка, М. (2014), “Революция, гражданская война и террор в Финляндии (1918 год)” [Revolution, Civil War and Terror in Finland (1918)]. Война во время мира. Военизированные конфликты после Первой мировой войны: 1917–1923. М., с. 109-126.
- Штомпка, П. (2001), “Культурная травма в посткоммунистическом обществе: (Статья вторая)” [Cultural Trauma in Post-Communist Society: (Article Two)] / Пер. В.В. Репьева и Н.В. Романовского // *Социологические исследования*, № 2, с. 3-12.
- LaCapra, D. (2001), Writing History, Writing Trauma. (Записывая историю. Записывая травму) Baltimore: Johns Hopkins University Press.

DOI: 10.53658/RW2021-1-2-62-77

The white and red forces of the Civil War: problems of modern public interpretation of historical memory in Finland

Elena A. Kuzmenko

Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Abstract: The article characterizes the modern public discourse in Finland on the impact of the red and white forces on the developments unfolding in the course of the Civil War through the interpretation of historical sources. It also draws a conclusion about the transformations that historical memory has experienced in Finland over the past decades. The research tasks are solved by using the methodology of historical trauma and mechanisms of its overcoming, the historical narration of everyday life, sociological methods. The article considers the concepts of official scientific and public discourse on controversial historical issues, indicates the different functional content of these categories. The fact of granting independence to Finland in 1918, and most importantly, the fact that the independence was maintained further on, was actualized in the public narrative in 2018. On this basis, it is possible to analyze the assessment of the white and red forces within modern Finnish society, due to the higher interest to the Civil War in connection with the Jubilee data and comparatively larger number of sources on historic memory that have appeared in scientific discourse. In the interwar period, Finland saw the cult of the Civil ("Liberation") War, where the red forces were presented as opponents of the independence of the state, and the whites, on the contrary, contributed to the acquisition of the sovereignty. However the statistical data, commemorative products, cultural phenomena presented in the article show that the public discourse about the Civil War tends to smooth the categorical evaluations, despite the fact that the discourse about the further Winter War and, moreover, the World War II tends to exacerbate the approach. The Finnish society is aware of the need to investigate crimes against the reds, preserves the memory of war crimes on both sides, and keeps the war graves of both Reds and Whites in the similar way. The rethinking of the legacy of civil confrontation is the potential for humanitarian dialogue between Russia and Finland.

Keywords: Civil War, historical memory, red forces, white forces, Finland, terror, commemorative practices.

About author: KUZMENKO ELENA. Candidate of Historical Sciences. Associate Professor. The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. ORCID: 0000-0003-4144-2414. RANEP. Member of the Russian Society for Intellectual History. Address: 82 Prospekt Vernadskogo, Building 1, Moscow, 119571. Russian Federation. ea.kuzmenko@igsu.ru.

References

- Ayerman, R. (2013), Social theory and trauma [Social'naya teoriya i travma], *Sociological Review*, Vol. 12. No. 1, pp. 121-138.
- Assman, A. (2016), New dissatisfaction with memorial culture [Novoe nedovol'stvo memorial'noj kul'turoj] / Trans. from it. Boris Khlebnikov. M.: New Literary Review (in Russian)

- Assman, Ya. (2004), *Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the High cultures of antiquity*, Moscow: Languages of Slavic culture
- Bezzubova, O.V. (2016), Museum and the Memory Policy [Muzej i politika pamyati], *International Journal of Cultural Studies*, №3 (24), pp. 76-84 (in Russian)
- Buldakov, V.P. (2018), Perception of the Civil War in Finland by Russian society in 1918 [Vospriyatie Grazhdanskoj vojny v Finlyandii rossijskim obshchestvom v 1918 godu], *Almanac of Northern European and Baltic Studies*, pp. 421-436 (in Russian)
- Gasumyanov, V.I. and Komleva, V.V. (2020), "Communication modes as a factor of intercountry interactions: problem statement", *International Affairs* ["Kommunikatsionnye rezhimy kak faktor mezhsranovykh vzaimodeistvii: postanovka problemy", *Mezhdunarodnaya zhizn*], No. 10, pp. 38-49 (in Russian).
- Haapala, P., Tikka, M. (2014), *Revolution, Civil War and Terror in Finland (1918). War during peace. Paramilitary conflicts after the First World War: 1917-1923. M.*, pp. 109-126.
- Mazur, L.N. (2013), The image of the past: the formation of historical memory [Obraz proshlogo: formirovanie istoricheskoy pamyati], *Proceedings of the Ural Federal University. Ser. 2, Humanities*, No. 3, pp. 243-256 (in Russian)
- Rupasov, I. (2018), Civil War in Finland [Grazhdanskaya vojna v Finlyandii], *St. Petersburg Historical Journal*, No. 3, pp. 171-186 (in Russian)
- LaCapra, D. (2001), *Writing History, Writing Trauma*, Johns Hopkins University Press, Baltimore.
- Shtompka, P. (2002), Cultural Trauma in Post-Communist Society: (Article Two) / Trans. by V.V. Repyev and N.V. Romanovsky, *Sociological research*, No. 2., pp. 3-12
- Smolin, A.V. (2002), The Baltic States (Estonia, Latvia) and Finland in the politics of Russian conservatives during the Civil War. Conservatism and Liberalism: History and Modern Concepts. Materials of the International Scientific Conference, February 15, 2002 / Edited by A.S. Kartsova. SPb., pp. 153-160 (in Russian)
- Svechnikov, M.S. (1923), *Revolution and Civil war in Finland. 1917-1918: (memories and materials)* [Revoluciya i grazhdanskaya vojna v Finlyandii], Moscow - Petrograd. (in Russian)